

С. Ф. Афанасьев,
доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
старший научный сотрудник Саратовского филиала
Института государства и права Российской академии наук
(г. Саратов, Российская Федерация)

УДК 347.9

КОМПЕНСАТОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ОДНО ИЗ ИННОВАЦИОННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ¹

Компенсаторное производство предлагается рассматривать не только в качестве отдельного вида цивилистического судопроизводства, но как одно из инновационных направлений российской судебной правовой политики, формирующееся под значительным влиянием общепризнанных принципов и норм международного права.

Ключевые слова: компенсаторное производство, суд, правовая политика, разумный срок разбирательства.

В настоящее время в юридической литературе подчеркивается, что правовая политика — явление весьма сложное и многогранное, требующее фундаментальной теоретической разработки [1]. Тщательному анализу и осмыслению в теории государства и права подвергаются понятие правовой политики, ее приоритеты и принципы, средства реализации, а также многое другое. Подобная деятельность, носящая теоретический и прикладной характер, важна как для общества, так и государства в целом, поскольку правовая политика представляет собой составную неотъемлемую часть государственной политики. Кроме того, нормативное закрепление общей концепции правовой политики позволит наиболее эффективным образом сформулировать отдельные подконцепции данного вида государственной политики в зависимости от сферы осуществления и сориентировать, привести к единообразию отраслевое законодательство Российской Федерации, к которому относятся и гражданское процессуальное законодательство.

Как указывалось, в теории государства и права не существует однозначного толкования правовой политики. Приводятся самые различные трактовки этой правовой категории. Например, в узком смысле под правовой политикой понимают политику, основанную на праве [2, с. 28]. Однако такая интерпретация мало что дает для отраслевых наук, поэтому целесообразно обратиться к широкому толкованию правовой политики как научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры в жизни общества и личности [3, с. 15].

Исходя из приведенного определения правовой политики, следует, что судебная политика, в свою очередь, должна обладать несколькими свойствами. Во-первых,

© Афанасьев С. Ф., 2013

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Судебная политика в современной России» (проект 11-03-00349а).

она основана на праве и тесно связана с судебной властью, так как последняя является особой ветвью государственной власти, без которой невозможна реализация политики как таковой. Причем судебную политику и судебную власть необходимо расценивать как взаимодополняющие категории, которые не существуют друг без друга. С одной стороны, судебная власть в государственном механизме разделения и взаимодействия властей призвана выполнять правозащитные, правоприменительные, восстановительные, превентивные и иные функции [4, с. 13], с другой — претворение этих функций в жизнь не представляется возможным без целостного судебно-политического пространства. Именно поэтому судебной власти присущи собственные специфические свойства, заключающиеся в ее справедливости, единстве, самостоятельности и независимости [5, с. 21–27]. При этом сама судебная власть обязана быть легитимной, то есть широкие слои населения должны признавать за данной властью право на управление общественно-социальными процессами, подчиняться ей, в противном случае реально реализовать определенную идеологию, выраженную в рамках судебной политики, обеспечить ей авторитет нельзя.

Во-вторых, судебная политика вершится посредством функционирования специализированных органов власти и их должностных лиц. В соответствии со ст. 18 Конституции правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а судебная власть сконцентрирована в пределах конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Причем этот конституционный тезис дополняется рядом законов.

В-третьих, органы судебной власти имеют своей задачей создание эффективного механизма правового регулирования, в рамках которого обязаны опираться на строго определенные юридические средства. Для судебной системы это означает, что деятельность органов судебной власти должна быть тесно связана с системой правовых средств, взятых в единстве, посредством которых обеспечивается эффективное воздействие на те или иные правовые отношения. К сожалению, как правильно отмечается в литературе, на современном этапе проблема правовых средств и их результативного применения продолжает оставаться достаточно острой [3, с. 15]. В сфере судебной политики необходимо не только выработать целый комплекс отдельных правовых средств, но и позаботиться об их сопоставимости, сочетании и взаимопроникновении с тем, чтобы в ходе урегулирования правовых конфликтов избежать судебных ошибок и добиться наиболее оптимального правового итога. Отсутствие слаженной системы правовых средств в правоприменительной практике приводит к негативным юридическим и фактическим последствиям.

В-четвертых, в судебной политике не могут отсутствовать целевые установки. В последнее время теории и практики активно используют личностный подход при изучении вопросов правовой политики. Почти все они отмечают: правовая политика — соединительное звено между государственной властью и личностью, а сама правовая политика призвана служить интересам личности. Если же человек перестает быть центральным элементом политики, то теряет всякий смысл вопроса о политических правах и свободах человека в целом [6, с. 7–12; 7, с. 19–26].

Разумеется, все вышесказанное верно и в отношении судебной политики как одной из важнейших составных правовой политики. Вместе с тем в ходе осуществления судебной власти зачастую происходит подмена целей либо использование целей в качестве средств, в связи с чем в ходе разработки концепции судебной политики, ввиду наиболее эффективного руководства обществом следует отдельное внимание уделить именно личности и ее нуждам.

Размышляя о судебной политике, нельзя забывать о том, что она имеет свои частные случаи, например, в виде гражданской процессуальной политики, которой присущи все наиболее общие свойства правовой политики. Вместе с тем, с практической точки зрения, необходимо выделять критерии, отграничивающие гражданскую процессуальную политику от иных разновидностей судебной политики. К ним, как правило, относят цели, приоритеты, режим осуществления гражданской

процессуальной политики, субъекты ее реализации и объекты гражданской процессуальной деятельности. Думается, два последних критерия можно лишь условно отнести к специфическим, поскольку субъектами, посредством которых гражданская процессуальная политика воплощается в жизнь, выступают суды, входящие в судебную систему Российской Федерации. Конечно, функционирование судебных органов в рамках этой системы дифференцировано в зависимости от характеристики дела, однако особенности самого функционирования относятся скорее к области судебной, чем гражданской процессуальной политики. Что же касается объектов гражданской процессуальной деятельности, то в качестве таковых называют общественные отношения, урегулированные нормами гражданского процессуального права. Другими словами, акцент делается на общественные отношения, которые присутствуют в любом другом направлении судебной политики. Наиболее важными для анализа представляются цели, предмет и правовой режим осуществления гражданской процессуальной политики.

Цели гражданской процессуальной политики должны формироваться на государственном уровне с учетом реальных интересов участников общественных отношений, которые подверглись воздействию со стороны гражданских процессуальных норм. Соответствие судебной политики в сфере гражданской юрисдикции интересам индивидов представляет собой базисное положение, из которого обязан исходить законодатель, в противном случае у индивида возникает чувство незащищенности его правом, ненужности отдельных правовых конструкций. В этой связи ошибочным представляется мнение, согласно которому под целью гражданской процессуальной политики следует понимать создание и применение эффективного механизма по защите прав, свобод и охраняемых интересов физических и юридических лиц, затрагивающих имущественные, а также личные неимущественные отношения. Очевидно, что механизм правового регулирования здесь не является самоценным, напротив, он формируется для достижения определенной цели, а именно для защиты личности, воспринимаемой с предельной конкретностью. Неслучайно поэтому целевые установки гражданского судопроизводства, закрепленные в ст. 2 ГПК РФ, тесно связаны с его задачами, то есть являются промежуточными целями процессуальной деятельности на тех или иных этапах [8, с. 6–7]. Законодатель указал, что задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, а целью — защита «нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан ...».

Относительно проблемы приоритетов гражданской процессуальной политики единства подходов не существует. В целом акцентируют внимание на обеспечении независимости и беспристрастности правосудия, усилении ответственности для судейского корпуса, специализации судов, детерминации принципов диспозитивности и состязательности, развитии процессуальной экономии, повышении ответственности сторон за совершение либо уклонение от совершения процессуальных действий, развитии альтернативных процессуальных форм разрешения гражданских правовых споров и другом [9, с. 3–6; 10, с. 5–14].

Нетрудно заметить, что часть из приведенных приоритетов на самом деле охватывает правосудие по гражданским и уголовным делам. Следовательно, о них можно и нужно говорить как о первостепенных ориентирах деятельности государства в области судебной политики вообще и гражданской процессуальной в частности. В этой связи уместно признать, что наиболее актуальными направлениями судебной политики в сфере гражданской юрисдикции будут совершенствование диспозитивных и состязательных начал гражданского судопроизводства, повышение ответственности сторон за выбор процессуального поведения, разграничение функций правосудия и принудительной реализации актов правосудия, развитие компенсаторного производства, на котором хотелось бы остановиться более подробно.

Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [11] Россия добровольно возложила на себя обязанность добросовестно выполнять требования международного регионального договора и признала без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека по вопросам применения и толкования Конвенции. После процедуры ратификации прошло четыре года, прежде чем Европейский Суд вынес одно из первых прецедентных постановлений от 7 мая 2002 г. «*Бурдов против России*» (*Burdov v. Russia*), в котором поставил под сомнение эффективность отечественного исполнительного производства, констатируя, что исполнение судебного решения — часть «судебного разбирательства».

Российская Федерация, выполняя данное постановление, предприняла ряд частных и общих мер по исправлению сложившейся негативной ситуации. Так, было дополнено и изменено законодательство, отвечающее за порядок принудительного исполнения исполнительных документов. Однако вследствие разобщенности норм материального и процессуального права, изолированности механизмов правосудия и исполнения его вердиктов, игнорирования ряда постановлений Конституционного Суда РФ по проблеме возмещения вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов и их должностных лиц, а также по другим причинам кардинальных преобразований не произошло. Во многом именно поэтому А. Т. Бурдов вынужден был вторично обратиться к Европейскому Суду с жалобой на неисполнение судебных решений, вынесенных в его пользу.

В «пилотном» постановлении от 15 января 2009 г. «*Бурдов против России, № 2*» (*Burdov v. Russia, № 2*) страсбургские судьи дали положительную оценку стремлению национальных властей принять закон, направленный на компенсацию вреда, вызванного длительностью судебного разбирательства по гражданским делам. Вместе с тем они подчеркнули, что осталось нереализованным постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П, предлагающее Федеральному Собранию РФ установить порядок возмещения вреда, между прочего возникающего от чрезмерно длительного судебного разбирательства — страна-деликтвент должна ввести эффективное средство правовой защиты, которое обеспечивало восстановление нарушенных прав при неисполнении либо задержке исполнения решений судов.

Хотя и с некоторым запозданием², но через год после вступления в законную силу второго из названных постановлений Европейского Суда в действие был введен Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [12], нуждающийся в оценке с точки зрения эффективности закрепляемых средств юридической защиты нарушенных прав либо законных интересов.

Прежде всего, обратим внимание на то, какие изменения законопроект претерпел в ходе законотворческой работы, перед тем как он был окончательно принят и подписан Президентом РФ. В пояснительной записке к законопроекту указывались следующие ключевые моменты:

а) законопроект ориентирован на «создание эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выражающимися в *несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов*»;

² Постановление Европейского Суда по делу «*Бурдов против России, № 2*» (*Burdov v. Russia, № 2*) вынесено 15 января 2009 г., обжаловано Россией в Большую Палату и вступило в силу 4 мая 2009 г. Следовательно, срок для принятия «эффективных внутренних средств правовой защиты» истек 4 ноября 2009 г., а к 4 мая 2010 г. те, кто подал обоснованную жалобу в Европейский Суд, должны были получить компенсацию за нарушение их прав на судебную защиту в разумный срок.

б) право на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок имеет *публично-правовую природу*, поэтому предлагается использовать компенсаторный способ его защиты, отличающийся от гражданско-правового способа защиты прав, нарушенных незаконными действиями суда (судьи) и иных государственных органов и органов местного самоуправления (возмещение убытков);

в) предусматривается присуждение компенсации при установлении факта чрезмерного нарушения разумного срока судопроизводства или исполнения судебного акта вне зависимости от вины суда или органа, на который возложена обязанность по исполнению судебного акта;

г) при определении размера компенсации судам необходимо руководствоваться практикой Европейского Суда;

д) в случае принятия законопроекта Россия будет применять эффективные средства правовой защиты нарушенного права и законного интереса с 4 мая 2010 г. [13].

Таким образом, в первоначальном виде законопроект был рассчитан на самую широкую аудиторию, поскольку затрагивал вопросы разумности сроков судопроизводства и исполнительного производства без привязки к тому, кто является должником, но под влиянием заключения Правительства РФ он значительно изменился, среди прочих замечаний присутствовали такие как:

а) из предмета правового регулирования нужно изъять все, что *не относится к праву на исполнение судебного акта в разумный срок, не связанному с обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации*;

б) понятие «практика Европейского Суда» нуждается в исключении из-за его неопределенности и неясности;

в) в тексте проекта целесообразно предусмотреть переходные положения о порядке его применения в период со дня ратификации Россией Конвенции и до вступления в силу Закона о компенсациях [14].

Для начала проанализируем материально-правовые вопросы исследуемого федерального закона, а затем затронем процессуальные. В соответствии с п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу. Конституционный Суд РФ, признавая не противоречащим данный пункт Основному закону страны, в постановлении от 25 января 2001 г. № 1–П указал, что правило п. 2 ст. 1070 ГК РФ коррелятивно ст.ст. 6 и 41 Европейской Конвенции, поэтому оно не может служить поводом для отказа в возмещении государством вреда, имеющего место в результате гражданского судопроизводства в иных случаях (т.е. речь не идет о реализации правосудия в узком смысле путем постановления окончательного вердикта по материально-правовым требованиям). К примеру, *вследствие незаконных действий либо бездействия суда, в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а другим судебным решением.*

Сказанное, в конечном счете, позволило конституционным судьям придти к мнению о том, что российский законодатель обязан выработать специальный механизм правового регулирования, который определял бы основания и порядок компенсации государством вреда, причиненного ошибочным и виновным действием суда в ходе рассмотрения гражданских коллизий. Кроме того, он включал бы в себя элементы, относящиеся к институтам подведомственности и подсудности гражданских дел по подобающим искам.

Суды общей и арбитражной юрисдикции, претворяя в жизнь п. 2 ст. 1070 ГК РФ с учетом выявленного конституционно-правового смысла, в целом не изменили прежде сформировавшуюся тактику процессуального поведения при предъявлении исковых заявлений о взыскании вреда, причиненного незаконными действиями органов правосудия в ходе рассмотрения гражданских дел. Ими в обоснование определений об отказе в принятии заявлений (как ни парадоксально) закладывалась

правовая позиция Конституционного Суда РФ о том, что для взыскания вреда необходимо установить *ошибочность* и *виновность* действий, подтверждаемых не приговором, а иным судебным решением. А поскольку такого решения a priori нет, то предъявленное материально-правовое требование не подлежит разрешению в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства [15; 16]. Отсюда не может быть компенсирован и моральный вред (ст. 1100 ГК РФ).

Конституционный Суд РФ, отдавая себе отчет в том, что проблема ответственности государства за вред, причиненный его учреждениями в ходе осуществления правосудия, законодателем не снята, а п. 2 ст. 1070 ГК РФ и зиждующаяся на ней правоприменительная практика остались незабываемыми, в ряде императивных определений продолжил развивать тезис, на котором строилась логика резонансного постановления от 25 января 2001 г. В частности, в определении от 20 марта 2007 г. № 202–О–О орган конституционного контроля подтвердил все ранее им сформулированное, но сделал одну существенную ремарку: «законодатель — в целях обеспечения общеправового принципа справедливости и достижения баланса защищаемых ценностей и целей — вправе установить в порядке исключения возмещение государством вреда ... *независимо от вины должностных лиц суда*». В другом определении от 3 июля 2008 г. № 734–О–II конституционные судьи, памятуя парадигму Европейского Суда о том, что исполнение есть неотъемлемая часть «судебного разбирательства», указали: *неисполнение или задержка исполнения судебного решения по взысканию денежных средств из бюджетов бюджетной системы, подразумевает компенсацию взыскателю морального вреда* (ст. 151 ГК РФ).

Приведенные выше конституционно-правовые сентенции неизбежно отразились на имманентном содержании п.п. 3 и 4 ст. 1 Закона о компенсациях, в которых в настоящее время присутствуют следующие аспекты:

а) присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок *не зависит от наличия или отсутствия вины суда*;

б) взыскание соответствующей компенсации *не препятствует возмещению вреда по ст. 1070 ГК РФ*, т.е. при установлении вины судьи посредством приговора или решения, вступивших в законную силу;

в) возмещение компенсации *лишает заинтересованное лицо права на присуждение морального вреда* за нарушение права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок (т.к. по своей правовой природе гражданско-правовой способ защиты публичного права, выбранный субъектом, и есть компенсация морального вреда³, впрочем имеется и другая точка зрения, согласно которой в заявлении о компенсации можно и нужно излагать требование как о возмещении морального, так и материального вреда) [17].

Теперь рассмотрим два узловых процессуальных блока федерального закона, корреспондирующие праву на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок. Первый из них предполагает, что стороны, заявители, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, могут подать в суд заявление о присуждении компенсации *в шестимесячный срок со дня вступления*

³ По мнению Европейского Суда, отраженном в постановлении от 10 апреля 2008 г. «*Вассерман против России*» (*Wasserman v. Russia*), заявитель не должен доказывать наличие морального вреда при выявленном нарушении материального права. Бремя доказывания того, что нарушение не повлекло за собой никакого морального вреда, лежит на государстве, поэтому суды особым образом обязаны аргументировать данный аспект. В то же время Суд в постановлении от 15 января 2009 г. «*Бурдов против России, № 2*» (*Burdov v. Russia, № 2*) отметил, что «существует сильная, но опровержимая презумпция того, что чрезмерно длительное разбирательство причиняет моральный вред. Суд находит эту презумпцию особенно сильной в случае чрезмерной задержки исполнения государством решения, вынесенного против него, с учетом неизбежного разочарования, вызванного неуважением со стороны государства его обязанности исполнять долг и тем фактом, что заявитель уже перенес судебное разбирательство, которое было для него успешным».

в законную силу последнего судебного акта, принятого по делу, либо до окончания производства по делу, если продолжительность рассмотрения превысила три года и лицо обращалось с заявлением об ускорении его разрешения (п. 5 ст. 3). Поскольку закон не предусмотрел никаких переходных положений, получается, что субъекты, в отношении которых судебные решения уже состоялись и были приняты за пределами шестимесячного срока, автоматически не подпадают под действие нормативного регулирования. При этом следует помнить, что согласно ст. 35 международного договора Европейский Суд полномочен признать жалобу приемлемой только после исчерпания всех эффективных внутренних средств правовой защиты и в течение шести месяцев с даты вынесения национальными органами окончательного вердикта по делу (применительно к ГПК РФ в Страсбурге неоднократно указывали, что по цивилистическим казусам к эффективным средствам правовой защиты относится кассационное производство, оканчивающееся кассационным определением). Следовательно, если сегодня заинтересованное лицо выждет шестимесячный срок для подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство по гражданскому делу в разумный срок, то оно берет на себя определенную степень риска, ведь Европейским Судом жалоба может быть признана неприемлемой.

Не представляется возможным безоговорочно видеть эффективное средство правовой защиты и в обращении с заявлением о присуждении компенсации до окончания производства по делу (ст. 222.1 АПК РФ), если продолжительность его рассмотрения превысила *три года* при условии, что лицо направило письменную просьбу об ускорении работы суда. Объясняется это критериями оценки длительности судебного разбирательства, которые применяет Европейский Суд⁴. «В том, что касается продолжительности гражданского процесса, точкой отсчета (*dies a quo*) нормально считается дата, когда судебная власть приняла исковое заявление, причем окончательным сроком (*dies ad quem*) является дата вынесения решения, разрешающего спор, — пишет Микеле де Сальвиа. — Критериями, которыми руководствуется Суд, чтобы оценить продолжительность, разумную или нет, процесса, являются сложность дела, поведение сторон, поведение судебных властей, важность предмета судебного разбирательства для заинтересованного лица» [19, с. 461–662]. Но в любом случае, как показывает интерпретационная практика Европейского Суда, разумный срок по большинству гражданских дел варьируется в границах *двухгодичного* (максимум трехгодичного) срока. Поэтому в пояснительной записке к аналогичному законопроекту о компенсации, который несколько ранее был подготовлен Верховным Судом РФ, намеренно отмечалось, что превышение срока рассмотрения дела судом первой инстанции свыше двух лет категорически недопустимо [20].

Не меньше вопросов вызывает блок закона, посвященный праву на исполнение судебного акта в разумный срок. Ради справедливости отметим, что он построен на неоднородной правовой позиции Европейского Суда, который в окончательном решении о приемлемости от 18 июня 2002 г. «*Шестаков против России*» (*Shestakov v. Russia*), а также в постановлении от 27 мая 2003 г. «*Санжлье против Франции*» (*Sanglier v. France*) заметил, что на государство не распространяется ответственность по долгам частных лиц и компаний, а в постановлении от 19 ноября 2006 г. «*Кесьян против России*» (*Kesyan v. Russia*) — страна-ответчик обязана через службу судебных приставов помогать взыскателю исполнять судебное решение независимо от статуса должника. Как следствие ст. 1 Закона подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок связывает лишь с *обращением взыскания на средства бюджетов бюджетной системы*. Во всех остальных случаях суды отказывают в принятии заявления к своему производству (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ) [21] либо его возвращают на стадии принятия (п. 1 ч. 1

⁴ Подробнее об этом [18].

ст. 244.6 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 222.6 АПК РФ) [22]. Такое заявление подается в суд *до окончания производства по исполнению судебного акта, но не ранее чем через шесть месяцев со дня истечения установленного срока или не позднее чем через шесть месяцев со дня окончания производства по исполнению судебного акта* (п. 8 ст. 3). Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [23] называет несколько оснований окончания исполнительного производства, среди которых наличествуют невозможность исполнить исполнительный документ, ликвидация должника-организации, признание ее банкротом и т.п. Другими словами, за пределами шестимесячного срока со дня завершения деятельности по принудительному осуществлению неисполненного судебного акта, которым взыскиваются денежные средства из бюджета, лицо не вправе инициировать компенсаторное производство⁵, что не затрагивает индивидов, успевших обратиться с петицией в Европейский Суд и в отношении которой еще не вынесено решение о ее приемлемости или по существу (п. 2 ст. 6)⁶.

Сказанное подтверждается формирующейся арбитражной практикой. Индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного решения, постановленного в 2007 г. Мотивируя свое требование, предприниматель указал, что исполнительное производство по выселению из нежилых помещений безуспешно длится более двух лет. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа вынес определение, которым возвратил поданное заявление, поскольку согласно ст. 1 Закона о компенсациях взыскатели и должники могут просить о взимании необходимой компенсации при нарушении права на исполнение в разумный срок судебного акта только, если речь идет о взыскании в порядке исполнительного производства средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации [24].

Так можно ли компенсаторное производство «по делам о неисполнении» квалифицировать как эффективное средство правовой защиты? Ответ на это вопрос дает Европейский Суд. В постановлении «*Бурдов против России, № 2*» (*Burdov v. Russia, № 2*) он выдвигает тезис о том, что эффективное средство правовой защиты *предотвращает предполагаемое нарушение, исправляет создавшееся положение либо обеспечивает адекватное возмещение за имевшее место нарушение*. При этом критерии действительности производства таковы: заявление о компенсации подлежит рассмотрению в разумный срок, а сама компенсация, размер которой определяется с учетом практики Европейского Суда, должна быть выплачена достаточно быстро. Стало быть, если отечественное компенсаторное производство в реальности будет отвечать названным задачам и критериям, то на него распространится правило исчерпания заявителем эффективных внутренних средств правовой защиты, корреспондирующее предписанию о шестимесячном сроке обращения к транснациональному правосудию. Как подмечает Микеле де Сальвиа: «Два условия не случайно помещены в одну норму. На самом деле существует тесная взаимосвязь между этими двумя правилами, причем исчерпание средств правовой защиты является предварительным условием, необходимым для учета норм о соблюдении шестимесячного срока» [19, с. 835].

⁵ Полагаем, несмотря на то, что термины «компенсаторный» и «компенсационный» зачастую используются как синонимичные, все же речь должна идти о «компенсаторном судебном производстве» как особом процессуальном механизме, предназначение которого заключается в нивелировании юридических последствий нарушения права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок. Впрочем, компенсационная функция компенсаторного производства не менее важна.

⁶ В этой связи обратим внимание на резолютивную часть постановления «*Бурдов против России, № 2*» (*Burdov v. Russia, № 2*), где сказано, что в течение одного года со дня вступления данного постановления в силу государство обязано предоставить возмещение тем, чьи обоснованные жалобы *поступили* в Европейский Суд до вынесения постановления и чьи жалобы *коммуницированы* властям Российской Федерации.

Ближайшее будущее покажет, позволит ли новое законодательство избежать вывода Европейского Суда о том, что подача заявления о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок не представляет собой эффективное средство правовой защиты от неисполнения императивных директив суда.

Список использованных источников

1. *Алексеев, С. С.* Основы правовой политики в России [Текст] : [курс лекц.] / С. С. Алексеев. — М. : Де-Юре, 1995. — 128 с.
2. *Матузов, Н. И.* Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики [Текст] / Н. И. Матузов // Правовая политика и правовая жизнь. — 2000. — № 1. — С. 27–50.
3. *Малько, А. В.* Правовая политика современной России: цели и средства [Текст] / А. В. Малько, К. В. Шундилов // Государство и право. — 2001. — № 7. — С. 15–22.
4. *Терехин, В. А.* Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики) [Текст] : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» / В. А. Терехин. — Саратов, 2001. — 26 с.
5. *Бородин, С. В.* О судебной власти в России [Текст] / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев // Государство и право. — 2001. — № 10. — С. 21–27.
6. *Рыбаков, О. Ю.* Личность и правовая политика в современной России [Текст] / О. Ю. Рыбаков // Право и политика. — 2001. — № 9. — С. 7–12.
7. *Комаров, С. А.* Личность как субъект политической власти и политики [Текст] / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков // Правовая политика и правовая жизнь. — 2001. — № 1. — С. 19–26.
8. *Жилин, Г. А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции [Текст] : дис. в виде научного доклада на соиск. д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Жилин Геннадий Александрович. — М., 2000. — 70 с.
9. *Козак, Д.* Суд в современном мире: проблемы и перспективы [Текст] / Д. Козак // Российская юстиция. — 2001. — № 9. — С. 3–6.
10. *Решетникова, И. В.* Тенденции развития гражданского процессуального законодательства [Текст] / И. В. Решетникова // Российский юридический журнал. — 1999. — № 1. — С. 5–14.
11. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней : Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 1998. — 6 апреля.
12. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 2010. — 4 мая.
13. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. — URL : <http://www.duma.gov.ru/faces/lawsearch/gointra.jsp?c=346759-5> [30.08.2010].
14. Заключение Правительства РФ к проекту Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс] Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. — URL : <http://www.duma.gov.ru/faces/lawsearch/gointra.jsp?c=346759-5> [30.08.2010].
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2005 г. по исковому заявлению гр. Наконечного И. В. [Электронный ресурс] Верховный Суд Российской Федерации. — URL : http://www.supcourt.ru/stor_text.php?id=7325944 [09.09.2010].
16. Определение Верховного Суда РФ от 01.07.2010 г. № 67-Г10-10 [Электронный ресурс] КонсультантПлюс. — URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=152616;div=ARB;dst=100007>.
17. *Питилимов, М.* Деньги за потерянное время [Текст] / М. Питилимов // ЭЖ-юрист. — 2010. — № 25. — Июнь.
18. *Борисова, Л. В.* Принцип разумности в российском гражданском процессе [Текст] / Л. В. Борисова. — М. : Юнити-Дана, 2008. — 96 с.

19. *де Сальвиа, М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека [Текст] / Микеле де Сальвиа. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. — 1072 с.
20. Пояснительная записка Верховного Суда РФ к проекту ФКЗ «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» [Электронный ресурс] Справочная правовая система «Гарант». — URL : <http://base.garant.ru/5429114>.
21. Определение Свердловского областного суда от 10.06.2010 г. по заявлению ООО «Правовая служба профсоюзов» [Электронный ресурс] Сутяжник. — URL : <http://sutyajnik.ru/documents/3357.html> [09.09.2010].
22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2010 г. № 45-Г10-13 [Электронный ресурс] КонсультантПлюс. — URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=156918;div=ARB;dst=100006>.
23. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ [Текст] // Российская газета. — 2007. — 26 сентября.
24. Определение Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.07.2010 г. № А21-2863/2007 [Электронный ресурс] Справочная правовая система «Гарант». — URL : <http://base.garant.ru/36317164>.

Надійшла до редакції 18.04.2013

Афанасьев С. Ф. Компенсаторне провадження як один із інноваційних напрямів сучасної судової правової політики

Компенсаторне провадження пропонується розглядати не тільки як окремий вид цивілістичного судочинства, але як один з інноваційних напрямів російської судової правової політики, що формується під значним впливом загальновизнаних принципів і норм міжнародного права.

Ключові слова: *компенсаторне провадження, суд, правова політика, розумний строк розгляду.*

Afanasiev, S. F. Compensatory Proceeding as an Innovative Direction of Contemporary Judicial and Legal Policy

Compensatory Proceeding is considered not only as a separate type of civil legal procedure but as one of new directions of the Russian judicial legal politics formed under significant influence of the conventional principles and norms of international law.

Keywords: *indemnification, court, legal politics, reasonable term of trial.*

